

Галина УЖОВА

В филиале Театра имени Вл. Маяковского давали "Госпожу министершу" Б.Нушича. Режиссер А.Белинский не пожалел усилий, чтобы почтенный югославский классик казался комедиографом российским, сегодняшним, — хором пели: "У нас великая страна, все может выдержать она"... И так далее.

Ольга же Прокофьева, игравшая Анку, в "осовременивании" участвовала мало. У нее была своя тяжелая доля. Госпожа министерша, не найдя никого лучше этой нескладехи с вечной книжкой в руках, приказала ей срочно сообразить ненавистного зятя! Дочка отказывалась его бросать, не понимая, что в новом, министерском, ранге требуется зять посolidнее, ну и пришлось пустить в ход сильные средства — подстроить измену, дабы злодея изобличить публично, упрямой дочке дать прямые доказательства.

Задумчивая дылда берется за задание не сразу, возражать пытается — неловко ей, видите ли! Но затем — не бесплатно, конечно, — приступив к делу, старается как может. То все с ведром и веником рассеяно бродила, а тут принарядилась, взгляды начала томные бросать. Но госпожа министерша торопит, требует: немедленно, сегодня же, сейчас же он должен оказаться в твоей комнате!

Пьесу я пересказывать не буду, ее и в книжке можно прочитать. Но то, как Анка перед каждой любовной атакой непременно направляется к высокой корзине с цветами и, подпрыгивая, срывает какой-нибудь розан, — этого не

Высокая блондинка с цветком в зубах

ПОВОД ДЛЯ ЗНАКОМСТВА

В антракте только о ней и разговаривали. Спектакль "в целом" публика тоже, что называется, "принимала", но служанка Анка была так уморительна! Ее реплики со смехом повторяли, а некоторые жесты даже передразнивали тут же, в фойе.

прочтешь, это надо видеть! Ну не может девушка без цветка склонять мужчину к греху, не положено! Поспешно втыкает Анка розан в волосы, другой — пока зажат в зубах, кавалер вот-вот войдет... А зал уже давно сидит — заливается!..

Ольгу Прокофьеву можно было бы запомнить и в нашу-мевшей "Жертве века", там она играла Ирину Лавровну, и среди таких "китов" — Гундарева, Симонова, Джигарханян, Лазарев — себя не уронила, не посрамила, но на том спектакле публика реагирует в основном на "имена". (Я не порицаю, а констатирую. Так и в Театре сатиры долгое время ходили — посмотреть на "живую" пани Монику и пана Профессора. На кого пришли, на того и реагируют, имеют право).

А еще у Ольги роль в поставленных пять лет назад "Валенсианских безумцах" Лопе де Веги и ввод в "Кошку на раскаленной крыше" Теннесси Уильямса... Негусто, но считается — неплохо.

Вспоминается сюжет. Вечный. Место действия — театр, любой. Главный режиссер останавливает взгляд на молодой актрисе, спрашивает ласково, отечески:

— Вы, голубушка, уже четвертый сезон у нас? Или третий?

— Десятый, — говорит актриса. Грустно.

Время для них течет неодинаково. Для нее — неудержимо, невосвратимо.

Ольга Прокофьева в своей родной труппе десять лет. Не считая обучения в ГИТИСе, на курсе того же мастера, Андрея Александровича Гончарова.

Поступила со второго раза. Год проработала на Центральном телевидении... в бухгалтерии. Артисткой решила стать классе в шестом, играла в школьной самодеятельности и потом, как все обычно делают, сдавала экзамены сразу и в Щукинское, и в Щепкинское — куда примут. Сама она из Подмоскovie, из Одинцова, из семьи, от искусства далекой.

— Когда курс набирает Гончаров, все знают: тут "блатных" не будет. Вот я и надеялась. И попала! Учеба, конечно, — прекрасная пора. Представьте: Марк Захаров преподает специальность, потом Сергей Яшин, Ирина Судакова, педагоги замечательные. И сам Гончаров, к которому всегда можно прийти — даже домой, — который внимателен, заботлив, мы его так "папой" и звали. Я еще вдобавок и старостой была, так что в любую минуту к нему могла обратиться. И вот оставил он нас — пятерых с курса в своем театре, удача! И... жуткий холодный душ — совершенно другой Андрей Александрович. Уже не "папа", а главреж театра, царь и бог. Естественно! А мы, дурачки, никак привыкнуть не могли. Вернее, отвыкнуть.

Сейчас-то я, конечно, все понимаю, дистанция, субординация, но иногда... Он болел недавно, а у нас дача недалеко от санатория, где он лечился, и муж мне как-то говорит:

— Слушай, давай навестим его. Возьмем арбуз и нагрянем. Посидим, поаллее с ним погуляем. Может, он рад будет?

Но так и не решились: вдруг он подумает, что мы не просто так, а зачем-то. Или он не подумает, но после при всех обмолвится:

— Я же вам рассказывал, помните, когда вы ко мне приходили...

И кое-кто, переглянувшись, скажет: ага! приходили!

В этом месте ее повествования я бурно протестую, даже Владимира Ивановича Немировича-Данченко в его явном величии и тайном одиночестве привожу в пример — до того мне жаль неподаренного арбуза, остановленного порыва. Но Ольга спорит: нет, вы не поймете, в театре так нельзя.

Ольга во многом так и осталась старостой. Вот, скажем, актерский, особенно российский-актерский бич — пьянство. Увидав коллегу сильно навеселе накануне выхода на сцену, одни, недовольно поджав губы, промолчат, другие поострят: "Устал художник". Ольга разозлится, возмутится, не разный партнер для нее — позор и горе. Жалеть их, пропивающих свой талант, она будет потом, после спектакля.

Я пытаю ее об актерских привычках, "цеховых" секретах, приметах. Что, мол, нынче новенького в вашем мире? Например, читают ли всей труппе свои пьесы взволнованные авторы? Ольга смеется: Остроумский, что ли? Или Нушич?

В общем, порядки такие: на читку приходят не все, а только будущие исполнители. О распределении ролей узнают

из листочка на доске объявлений, а за месяц до этого — из перешептываний и слухов, так всегда было, так и будет, видно, покуда земля вертится. Перепечатанный текст роли с "крайними" репликами партнеров получаешь сразу же, в официальном порядке. Но мало найдется актеров, которые не переписали бы его от руки в заветную тетрадку, чтобы носить с собой, чтобы дополнять собственными пометками, — тем самым освоить, присвоить, сжить. Спрашиваю: а принято ли посидеть в библиотеке, прочесть что-то об авторе, просмотреть критические, скажем, статьи, или не актерское это дело — сушить мозги?

— Ну почему же? Если материал сложный, можно и пойти, изучить, — говорит Ольга, но как-то неуверенно. Из всего арсенала ей особенно по душе метод наблюдения.

— Марк Анатольевич Захаров нас на это нацеливал. Развивать зоркость, цепкость. Наблюдай — все пригодится! Люблю смотреть в чужие окна. Если случайно в телефонной трубке услышу посторонний разговор — ни за что не отключусь, наоборот, стараюсь ни слова не пропустить, ни полутона — а их столько бывает! Нетерпение, зависть, нежность, ревность! Ни одному драматургу не сочинить, ни од-

ному актеру не сыграть так правдиво!

Еще я узнала — чего раньше не знала, как переменялось отношение исполнителей первого состава к дублерам. Из ревниво-колкого оно сделалось доброжелательнейшим! Мало ли куда придется отлучиться актеру, даже и не "звезде", и не любимцу кинозрителя, — то в рекламный ролик позовут, то "озвучка" подвернется, не упускать же шанс, — тут-то второй состав и пригодится, подменит.

Ольга тоже от приработка на стороне не отказывается, но ревность к дублершам сильнее.

— Нет, я не могу. Что ж это, я весь рисунок нашла, а она... Не надо мне дублерши!

Правда, когда пришло время уходить в декрет, она бескорыстно помогала на "вводах" своим заместительницам. Но едва сыну исполнилось три

месяца, уже снова была тут как тут: выпасть из репертуара очень просто, а вот войти...

— Вначале мы, когда пришли в театр, много были заняты в массовках, в эпизодах, и каждый выход был в радость: пусть ненадолго, но я — на сцене! Чем чаще, тем лучше! А сейчас уже хочется сыграть что-нибудь заметное.

— Оля, а вы за границей были? — почему-то спрашиваю я.

— Да! Наш спектакль — он сначала был дипломный, а потом Гончаров перенес его на основную сцену — "Завтра была война" по Б.Васильеву пригласили в Лондон. За семь дней восемь спектаклей. А переводила нас сама Ванесса Редгрейв!

Вот пока и все об Ольге Прокофьевой. Повода для особых восторгов, может, ее карьера и не дает. Но повод для знакомства — безусловно.

Прокофьева Ольга

30.9.95.